

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-100-108
УДК 81`42

Дата поступления статьи: 13/IV/2019
Дата принятия статьи: 20/V/2019

Л.В. Проскурнина

ПРИНЦИП ДВОЕМИРИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИХОТОМИИ *СВОИ* / *ЧУЖИЕ* В РОМАНЕ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА «ЛЕДЯНОЙ ДОМ»

© Проскурнина Людмила Васильевна – ассистент, кафедра русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: proskurnina@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6446-4478>

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи – в рамках лингвокультурологического подхода рассмотреть особенности лингвокультурной оппозиции *свои* / *чужие* в тексте исторического романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом» сквозь призму реальной историко-культурной ситуации на примере противопоставления двух исторических эпох – правления Анны Иоанновны (бироновщины) и Петровского времени. Достижению этой цели способствует решение следующих задач: определение дихотомии *свои* / *чужие* как базовой культурной, анализ оппозиции этого двоемирия в тексте романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом».

Методика исследования определялась его целью и задачами, соответственно, нами использовались следующие методы: метод сплошной выборки, метод дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа.

В статье предпринята попытка проследить репрезентацию дихотомии *свои* / *чужие* на разных уровнях воплощения языковой личности писателя: лексико-грамматическом, когнитивном (концептуальном) и прагматическом, а также определить ее место в раскрытии сущности индивидуально-авторской картины мира романиста. Бинарное противопоставление *своих* и *чужих* является одним из древнейших в картине мира любого народа. Концептуальная дихотомия *свои* / *чужие* относится к базисным константам ценностно-смысловой картины мира. На ее основе определяются способы и характер воссоздания автором художественного текста исторической действительности. Оппозиция *свои* / *чужие* является основанием как национальной картины мира, так и картины индивидуально-авторской, которая находит яркое отражение в текстах художественного дискурса. Свообразно эта оппозиция представлена в текстах исторических романов, ярким образом которых можно считать роман И.И. Лажечникова «Ледяной дом». Эта оппозиция выражает концептуальную информацию, которая соответствует тезаурусному уровню языковой личности художника слова. Дихотомия выстраивается в соответствии с идейными взглядами писателя: в качестве *своих* описаны носители культурных идеалов эпохи, несущие свет и добро; противопоставлены им *чужие* – зловещие, темные силы. Обратившись к воссозданию исторической эпохи правления Анны Иоанновны, И.И. Лажечников в центр выдвинул дихотомию *свои* / *чужие*, играющую ключевую роль в его индивидуально-авторской картине мира.

Ключевые слова: дихотомия, концепт, исторический роман, художественное время, художественное пространство, хронотоп, континуум.

Цитирование. Проскурнина Л.В. Принцип двоемирия как отражение дихотомии *свои* / *чужие* в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 100–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-100-108>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**PRINCIPLE OF WORLD DUALITY AS A REFLECTION OF THE DICHOTOMY
OF US / THEM IN THE NOVEL OF I.I. LAZHECHNIKOV «THE ICE HOUSE»**

© Proskurnina Lyudmila Vasilievna – assistant, Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod National Research University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation.
E-mail: proskurnina@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6446-4478>

ABSTRACT

The purpose of this article – within the framework of the lingvocultural approach is to consider the features of linguistic and cultural opposition of *us / them* in the text of the historical novel by I.I. Lazhechnikov «The Ice House» through the prism of the real historical and cultural situation, on the example of the opposition of two historical eras – the reign of Anna Ioannovna (Biron) and Peter's time. To achieve this goal contributes the solution of the following tasks: the definition of dichotomy *us/them* as the basic cultural analysis of the opposition of this world duality in the text of the novel by I.I. Lazhechnikov «The Ice House». The research methodology was determined by its purpose and objectives, respectively, we used the following methods: continuous sampling method, the method of definition, component and contextual analysis. The article attempts to trace the representation of the dichotomy of *us / them* at different levels of embodiment of the writer's linguistic personality: lexico-grammatical, cognitive (conceptual) and pragmatic, as well as to determine its place in the disclosure of the essence of the individual author's picture of the world of the novelist.

The binary opposition between friends and foes is one of the oldest in the world picture of any nation. The conceptual dichotomy of *us / them* refers to the base Constantan axiological picture of the world. On its basis, the ways and nature of the author's reconstruction of the literary text of historical reality are determined. Opposition *us/them* is the basis of both the national picture of the world and the picture of the individual author, which is clearly reflected in the texts of artistic discourse. This opposition is peculiar represented in the texts of historical novels, a striking example of which can be considered a novel by I.I. Lazhechnikov «The Ice House». This opposition expresses conceptual information that corresponds to the thesaurus level of linguistic personality of the artist of the word. The dichotomy is built in accordance with the ideological views of the writer: the carriers of cultural ideals of the era, carrying light and good, are described as their own; others are opposed to them – sinister, dark forces. Turning to the reconstruction of the historical era of the reign of Anna Ivanovna, I.I. Lazhechnikov in the center put forward a dichotomy of *us/them*, playing a key role in his individual-author's picture of the world.

Key words: dichotomy, concept, historical novel, artistic time, artistic space, chronotope, continuum.

Citation. Proskurnina L.V. *Printsip dvoemiriya kak otrazhenie dikhotomii svoi / chuzhie v romane I.I. Lazhechnikova «Ledyanoi dom»* [Principle of world duality as a reflection of the dichotomy of *us / them* in the novel of I.I. Lazhechnikov «The Ice House»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 100–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-100-108> [in Russian].

Введение

Современные научные тенденции в лингвистике характеризуются изучением и рассмотрением языковых явлений с позиций антропоцентризма. Особое внимание уделяется изучению взаимосвязи культуры, мышления и языка, с одной стороны, и коммуникативной деятельности, являющейся не только средством коммуникации, но и одним из условий самоопределения языковой личности, – с другой.

Любой художественный текст – это созданная художником слова индивидуально-авторская модель мира, где человек и окружающая его действительность представлены в конкретном континууме, то есть в «нерасчлененном потоке движения во времени и пространстве» [Гальперин 1981, с. 87]. Д.С. Лихачев так пишет о пространственно-временных формах литературного произведения:

«...писатель создает определенное пространство, в котором происходит действие. Это пространство может быть большим, охватывать ряд стран в романе путешествий или даже выходить за пределы земной планеты, но оно может также сужаться до тесных границ одной комнаты» [Лихачев 1968, с. 76]. Что же касается воссоздаваемого автором времени, то оно «может идти быстро или медленно, прерывисто или непрерывно, интенсивно наполняться событиями или течь лениво и оставаться «пустым», редко «населенным» событиями» [Лихачев 1968, с. 79].

Эта характеристика художественного континуума перекликается с описанием специфики взаимодействия художественного времени и пространства у М.М. Бахтина: «Время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым, пространство же интенсифицируется, втягивается в движение вре-

мени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975, с. 235].

Намеренное «искажение хронотопа» характерно для любой жанровой разновидности художественного дискурса, в том числе и для произведений на историческую тему, в которых специфика изображения времени – пространства, на первый взгляд, строго задана внетекстовой действительностью. Очевидно, однако, что художественный исторический текст скорее сопротивляется историческому материалу, чем повторяет его – в нем языковыми средствами представлены нелинейные формы континуума и видоизмененный хронотоп. Все трансформации хронотопа, с которым достаточно вольно обращаются литераторы, обусловлены той конкретной коммуникативно-прагматической задачей, которую ставит перед собой писатель, и в первую очередь необходимостью передачи фактуальной информации: «Создавая мир воображаемый, мир, в котором действуют *вымышленные лица* (*выделение наше. – Л.П.*) и в большинстве случаев в условном пространстве, автор волен сжимать, обрывать и вновь продолжать время действия и пространство в угоду заранее ограниченной содержательно-фактуальной информации» [Гальперин 1981, с. 87].

Базовая культурно-психологическая оппозиция *свои / чужие*

Не менее важной коммуникативной задачей для автора художественного текста является передача языковыми средствами концептуальной информации, поскольку «в свете когнитивных современных исследований особую роль приобретает представление о различных типах информации, заключенной в разных видах текстов» [Чумак-Жунь 2012, с. 143]. Концептуальная информация, отражающая уникальность тезаурусного уровня языковой личности писателя, в тексте представлена одной из базовых культурно-психологических оппозиций *свои / чужие*, «формирующих когнитивную ценностно-оценочную систему знаний и отражающих уникальность восприятия и интерпретации реального мира, обусловленных особенностями конкретной культуры» [Балаясникова 2003, с. 3].

Оппозиция *свои / чужие* является частью языкового сознания, которое О.В. Балаясниковой понимается как «отражение деятельности в ее обусловленности культурой и психическими (когнитивными) процессами, с одной стороны, и актуализация этих отношений в коммуникации через посредство языкового знака, с другой» [Балаясникова 2003, с. 4].

М.М. Бахтин, в своих трудах развивая философию диалогизма, также говорил об отношениях «я» и «другого», являющихся основой формирования структуры бытия [Бахтин 1979, с. 292–293].

По мнению Ю.М. Лотмана, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (свое) пространство и внешнее (их), которые предстают соответственно как космос и хаос. При этом человек изначально погружен в реальное, данное ему

природой пространство, но это оказывает непосредственное влияние на то, как он моделирует мир в своем сознании» [Лотман 1996, с. 175–176]. Ю.С. Степанов считает, что данная оппозиция «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных противопоставлений, существующих в коллективном, массовом, национальном мироощущении» [Степанов 2004, с. 472]. И.И. Чумак-Жунь отмечает, что оппозиция *свои / чужие* «формирует основные исторические типы мировоззрения, являясь определяющей для каждой национальной картины мира» [Чумак-Жунь 2017, с. 439].

Эта культурная оппозиция, которой пронизано все человеческое существование, преимущественно отражает особенности хронотопа произведения – *свои и чужие* могут занимать разные пространственные позиции по отношению друг к другу – как иметь собственное пространство, так и находиться в зоне оппонента («Свой среди чужих, чужой среди своих» – прецедент подтверждает типичность этой ситуации для массового коммуникативного сознания). Эта дихотомия может быть реализована в разных аспектах: в идеологическом, в культурном, в национальном и в религиозном, формируясь в коммуникативной среде и выражаясь языковыми средствами.

Оппозиция *свои / чужие* в историческом романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом»

Одним из ярких примеров своеобразного конструирования хронотопа в рамках художественного исторического текста является роман «Ледяной дом» известного писателя первой половины XIX века И.И. Лажечникова. Несмотря на то что романы этого автора являются историческими, то есть такими, в которых «действие развертывается на фоне исторических событий», он тем не менее создает собственное полотно, помещая в него как исторических, так и вымышленных персонажей. Важно также отметить, что во времена И.И. Лажечникова историческая составляющая являлась неотъемлемой частью жанра романа: «...в наше время под словом роман разумеется историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании» [Пушкин 1949, т. 11, с. 92].

Все исторические романы И.И. Лажечникова организованы на основании построенной средствами национального языка дихотомии-оппозиции *свои / чужие*, которая, как отмечалось выше, традиционно является основанием любой национальной картины мира: так, в романе «Последний Новик» ее членами являются представители разной национальности (*прямо противопоставленные*), в романе «Басурман» – разных религиозных взглядов (*чужой среди своих*). Роман «Ледяной дом», наиболее известный современному читателю, занимает особое место в творчестве И.И. Лажечникова. Внутритекстовый конфликт здесь не исчерпывается изображением противостояния между властью и героем. Оппозиция имеет сложную конфигурацию – она реализуется и в пространстве, и во времени. В качестве элементов «диахронной

оппозиции» представлены два исторических периода и два стиля правления — эпоха Петра I и бироновщина — время царствования Анны Иоанновны, фактическим правителем при которой был ее фаворит Эрнст Бирон. Оппозиция *свои / чужие* в романе выстраивается не «по горизонтали», а «по вертикали» — равновеликое пространство (Петербург двух разных исторических эпох) описано в разное время.

Важно то, что для автора *своими* выступают люди другой эпохи — оппозиция обладает универсальными свойствами и характеризуется строгой аксиологической основой: все, что относится к «своему», располагается на шкале «хорошо», «правильно», а то, что относится к «чужому», ассоциируется с «плохим», «неправильным», что вполне соответствует сущности власти.

Рассмотрим лингвистические средства реализации оппозиции *свои / чужие* в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом».

Пространство романа ограничено топосом Петербурга. Что же касается временной организации текста произведения, то она представлена взаимодействием двух временных пластов. С одной стороны, описываемые события происходят во время правления Анны Иоанновны (бионовщина), причем И.И. Лажечников указывает даже год, в котором разворачиваются события романа: *Мудрено ли, что при такой жуткой погоде, соединившейся с темнотою вечера и страхом бироновских времен, ни один житель Петербурга не смел высунуть носа на двор <...> А ныне, хоть мы только и в четвертом дне святок (заметьте, 1739 года)*. С другой стороны, время в тексте «Ледяного дома» расширяется за счет постоянных параллелей с эпохой царствования Петра I: *бывало, при блаженной памяти Петре Великом <...> веселье не считалось диковинкой; тогда при дворе и в народе тешились без оглядки*.

Оппозиция находит отражение в «лингвистической антитезе» — *домик, охраняемый любовью народной* (Россия Петра I), когда *при дворе и в народе тешились без оглядки*, и *Ледяной дом* (Россия Анны Иоанновны и Бирона), когда *весь Петербург молчит тишиною кельи* в атмосфере безмолвия, тишины и скованности. Россия Петра, *широкая, державная, могучая* противопоставляется России Бирона, *угнетенной выходцем*.

Таким образом, пространство Петербурга моделируется в системе хронотопических координат (локус + хронос), где первые члены оппозиции — элементы описываемого хронотопа — Петербург эпохи царствования Анны Иоанновны, а вторые — Петербург эпохи Петра I:

1. Локус: дом Бирона — домик Петра I, Ледяной дом — Летний дворец;

2. Хронос: Зима/ночь — лето/день.

Пространственно-временные реалии представляют основу концептосферы романа, что демонстрирует уже название — «Ледяной дом» — в этом текстовом иконическом знаке сочетаются лексема с пространственным (*дом*) и потенциально временным значением (*ледяной*).

Собственно, дихотомия *свои / чужие* в романе «Ледяной дом» в первую очередь определяется спецификой концепта «Дом», выражающего «индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [Беспалова 2002, с. 6] и занимающего в индивидуально-авторской концептосфере И.И. Лажечникова особое место.

Основные события романа разворачиваются в пространстве жилища: *Ледяной дом, Летний дворец*. Как враждебное и свое пространство противопоставлены также *дом Бирона* и *домик Петра I*.

Дом, являясь неотъемлемым составляющим элементом жизни человека, может быть постоянным или временным, принадлежать или не принадлежать герою.

Прежде чем рассматривать реализацию концепта «Дом» в творчестве И.И. Лажечникова, обратимся к понятийному слою названного концепта.

Толковые словари предлагают различные значения слова *дом*.

Словарная дефиниция лексемы *дом* включает следующие ЛСВ: '1. Жилое здание, строение. 2. Жилое помещение, квартира' (Ушаков 2006, с. 194).

В «Словаре русского языка» (МАС) представлено следующее толкование: дом — '1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. 2. Жилое помещение, квартира; жилье. 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством' (МАС 1999, т. 1, с. 425).

В словаре В.И. Даля представлены такие значения: 1) 'строение для житья'; в городе, жилое строение; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажями и хозяйством, крестьянский дом, изба; южное хата; княжеский и вообще большой, вельможеский, палаты, дворец; помещичий в деревне, усадьба; маленький и плохой, хижина, лачуга; врытый в землю, землянка, уменьшительно domeц, домик, домок, домочек; домишка, домишечка; увеличительно домина, домища. Держать дом 'вести хозяйство', распорядок. Открытый дом 'хлебосольный'; 2) 'семейство, семья, хозяева с домочадцами'; 3) 'род, поколение', говоря о владетельных или высоких особах; 4) кстр., твр. дом говорят вместо домовина, домовище, 'гроб' (Даль 1978, т. 1, с. 465–467).

Для понятийного слоя концепта «Дом», репрезентированного в тексте романа, одним из определяющих признаков служит второе словарное (узальное) значение дома — 'жилище', второй признак соотносится с первым словарным значением — 'здание'.

В тексте предметный слой концепта «Дом» представлен такими когнитивными признаками, как 'внешний вид дома', 'составляющие дома' и 'внешнее окружение дома'. Домá отражают характер своих владельцев. Дом Бирона и домик Петра I соотносятся как 'громоздкий', 'холодный' и 'маленький', 'теплый'.

Временщика при Анне Иоанновне — Бирона — ненавидело все русское окружение императрицы. Автор, используя антонимические пары — *наружное — истинное, маленький — огромный*, деклари-

рует, что Бирон пытается показать во внешнем облике дома свое мнимое величие: **Наружным величием старается он заменить истинное: к маленькому дому сделаны огромные пристройки.** Тщетность попыток придать величие собственной персоне представлено и в сравнении дома Бирона с кордегардией: **Бирон силится сделать его дворцом — а он смотрит кордегардией.** Кордегардия — «помещение для караула, охраняющего крепостные ворота, въезд в город; караульня» (СРЯ XVIII 1984: 10, 168). Важно для понимания характера героя и то, что временщик меняет настоящее имя — Иоганн Эрнест Бирен. По свидетельству историка Н.И. Костомарова: «Из суетного честолюбия он принял фамилию Бирона, изменив только одну гласную в своем настоящем фамильном прозвище, и стал производить себя от древнего аристократического французского рода Биронов» [Костомаров 2004, с. 891].

При описании же жилища Петра I И.И. Лажечников использует лексемы с субъективной положительной оценкой, среди которых закономерно много диминутивов: *государь, распрощавшись с гостями своими, уходил в двухэтажный домик, охраняемый любовью народной; очарование воспоминаний снова окружает маленький домик в Летнем саду; в маленьких покоях Петр I созидал дела великие.*

В качестве сопутствующего атрибута концепта «Дом» представлен сад — при домах Бирона и Петра I соответственно. При описании первого преобладает оценочная лексика с отрицательной коннотацией, характеризующая не только дом Бирона, но и всю Россию эпохи Анны Иоанновны: *ужас, саван, жалобно: ужас царствует вокруг этого жилища; сад и в праздниках, и в будни молчалив; зимой, говорю я, сад с окованными водами, с голыми деревьями, этикетно напудренными морозом, с пустыми дорожками, по которым жалобно гуляет ветер, с остовами статуй, беспорядочно окутанных тогами, как саванами, еще живее представляет ужас, царствующий около ее владельца.* Очень показательны здесь метафоры как «наиболее продуктивные средства формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира» [Илюхина 2010, с. 139] — *голые деревья, этикетно напудренные морозом.*

Совсем по-другому представлен сад при домике Петра I: *этот сад бывал сборным местом всего Петербурга; радость передавалась безусловно; все говорили вслух о том, что было у них на душе, потому что в душе ничего не таилось; аллеи кипели и шумели; на скамьях обнимались; в гроте, убранном на диво заморскими раковинами, слышались поцелуи; на царичьином лугу народ роился.*

Романист вводит в описание сада Бирона и Петра I контекстуальные антонимические пары: *ужас — радость, пустые дорожки — сборное место, сад молчалив — все говорили вслух, жалобно гуляет ветер — слышались поцелуи.*

И.И. Лажечников особо подчеркивает величие деятельности Петра: *Петр I созидал дела великие, которых последствия осенят и наших потомков;*

Петр был государь великий; Петр Великий подавал нам тому пример; сколько оставил нам Петр Великий важных планов. Этот образ восходит к образу Петра I, созданному писателем в романе «Последний Новик», который в соответствии с эстетикой романтизма был окутан атмосферой тайны и загадки, — в его описании автор использует сравнение с античным божеством и богатырем (исполином): *повелительно-грозный голос его раздался по водам; перед Петром, этим исполином телом и душою; восклицает царь громовым голосом; богатырское сердце Петра Алексеевича.* В данных контекстах писатель активно использует эпитеты: *повелительно-грозный, громовой, богатырский.* В следующем контексте автор сравнивает Петра с божеством: *Черты его смуглого лица отлиты грозным величием; темно-карие глаза, прикованные к одному предмету, горят восторгом: так мог только смотреть бог на море, усмиренное его державным трезубцем.* При описании внешности Петра I И.И. Лажечников прибегает к эпитету как наиболее яркому выразительно-изобразительному средству: *грозное величие.* Помимо эпитета писателем используются метафора — *темно-карие глаза горят восторгом* — и сравнение — И.И. Лажечников сравнивает взгляд Петра с взглядом божества: *как только мог смотреть бог на море.* Напрашивается сравнение Петра Великого с Посейдоном — древнегреческим богом морей. Примечательно, что подобное описание внешности Петра находим и у В.О. Ключевского: «Петр был великан <...> целой головой выше любой толпы», «от природы он был силач» [Ключевский 1997, с. 174].

Лингвокогнитивным и лингвокультурным антиподом *Ледяному дому* в романе является *Летний дворец*, ассоциирующийся с эпохой Петра I и его великими делами. Вербально оппозиция выражена противопоставлением лексем *ледяной* и *летний*. Слова *ледяной* и *летний* не являются общеязыковыми антонимами.

Словарная дефиниция лексемы *ледяной* включает следующие значения: '1. прилагательное к лед. Ледяная кора. Ледяная глыба. Ледяной убор. Покрытый льдом, сделанный, состоящий из льда. Ледяная гора (сделанная для катанья, или то же, что айсберг). Ледяные вершины. Терек... шумной пеной орошал ледяный свод. Пушкин. 2. Очень холодный; холодный, как лед. Ледяная вода. Ледяной ветер. Ледяная вьюга. Похолодевший, оконеченный. Ледяные ноги. Ледяные уста. 3. перен. Крайне холодный, мертвящий, приводящий в оцепенение (книжный). Ледяной взгляд' (Ушаков 2006, с. 492).

Словарная дефиниция лексемы *летний* включает следующие значения: Летняя, летнее. Прилагательное к *лето* и к наречию *летом*. Летний отдых. Летняя пора. Летняя жара. Летняя школа (Ушаков 2006, с. 405). Лексема *летний* родственна лексеме *лето*: 'самое теплое время года, между весной и осенью' (Ушаков 2006, с. 405).

В лексических значениях данных лексем заключены антонимичные семы. *Летний* — 'теплый' и *ледяной* — 'холодный'. Именно эта антонимия явля-

ется основой дихотомии *свои / чужие*, которая организует пространство романа.

В национальном сознании эта оппозиция (*теплый — холодный*) традиционно ассоциируется с *добросердечным* и *бесчувственным* (ср. в сборнике В.И. Даля пословицы и поговорки с лексемами *теплый* и *холодный*: *Одни уста и теплом и холодом дышат*; *Сват свату холодный друг*; *Где тепло, тут и добро* (Даль 1998)).

Итак, в основе текстовой оппозиции *свои / чужие* лежит повторяющаяся пространственная антитеза: *Ледяной дом — Летний дворец*, характеризующая Петербург двух разных исторических эпох. В языковом плане И.И. Лажечников воспроизводит антитезу двух разных укладов национальной и домашней жизни. Недаром дом, который должен «придать миру пространственный смысл» [Байбурин 1983, с. 10], лишается его: само представление о Ледяном доме (то есть о доме, в котором нельзя жить, который не может оградить и защитить) указывает на отсутствие упорядоченности и осмысленности бытия в эпоху царствования Анны Иоанновны. Издревле у славян дом являлся символом домашнего тепла и уюта, хранителем семейного очага. В романе же четко прослеживается «противопоставление дома (своего, безопасного, охраняемого покровительственными богами пространства) антидому (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, падение в которое, — по выражению Ю.М. Лотмана, — равносильно путешествию в загробный мир» [Лотман 1999, с. 264]. Как известно, возводя дом, структурируя его пространство, человек задает определенную систему «ориентиров», в том числе и нравственных. Образ Ледяного дома как образ «чужого» пространства лишен этих «ориентиров» и потому символизирует «разлом» и распад времен. Ледяной дом не выполняет свою основную функцию — защитную: *Чудное это здание, уж заброшенное, кое-где распадалось; стража не охраняла его; двери сломанные лежали грудой. Ветер, проникая в разбитые окна, нашептывал какую-то волшебную таинственность. Будто духи овладели этим ледяным дворцом* (здесь и далее (Лажечников 1994)).

Домашнее тепло горящего очага заменяется холодом ледяных дров: *ледяные дрова, нефтью намазанные, многократно горели, но не согревали и не излучали тепло, свидетельствуя тем самым о своей знаковой принадлежности к антидому, в котором не только дрова, но и все предметы домашнего быта сделаны из льда: стол, посуда, блюда с кушаньем. Более того, антидом связан с потусторонним миром: полосы тумана над ним, похожие на невидимых духов, соединяют реальное и запредельное пространства: *когда императрица вышла из дому, густой туман налег на землю, так что за несколько шагов нельзя было ничего видеть. «Артемий Петрович, вырвите меня из этого ада», — с ужасом произнесла Анна Иоанновна, покинув этот антидом.**

Таким образом, смыслы концепта «Дом» в тексте романа противопоставлены. Дом (домик) Петра — «маленький», «теплый», «уютный», а дом Бирона — «большой», «казенный», «холодный».

С точки зрения художественной когниции образ Ледяного дома у И.И. Лажечникова — это образ гибнущего дома, символически обозначающий распад бытия в России в эпоху Бирона, кризис мира в целом. В финале романа Ледяной дом разрушается: *ледяной дом рухнул; уцелевшие льдины развезены по погребам*, что, по мнению М. Элиаде, «равноценно возвращению в хаос» [Элиаде 1994, с. 38], в бироновщину, то есть сама структура образа разрушенного дома обнажает основу исторического конфликта романа: борьбу двух партий — русской и немецкой.

Ледяной дом не случайно олицетворяет Россию времен царствования Анны Иоанновны, становясь ее ликом. Это **символ не только пространства, но и времени**, описываемого в произведении. Период правления Анны Иоанновны в описании И.И. Лажечникова ассоциируется с историческим разломом в России, с деятельностью Тайной канцелярии.

Действие романа «Ледяной дом» происходит зимой, являющейся символом засыпания, замерзания, смерти. Образ зимы, как и образ Ледяного дома, символизирует «оледеневшее» состояние России, «оледеневший» дух русских в эпоху Бирона. «Замерзли» духовно многие представители двора, «заморожены» сердца и души простых людей. В отношении художественной когниции зимы автором используются разветвленные словообразовательные гнезда с корнями: -мерз- и -лед-: *на замерзлой реке черный невольник, хоть бы замерзнуть, тотчас замерзала; после третьего ушата хохол повис назад, как ледяная сосулька; ноги пустили от себя ледяные корни по земле; нельзя было признать человека под ледяною безобразною статуей.*

В пространстве Ледяного дома (действие происходит в середине XVIII века: *ныне, хоть мы только и в четвертом дне святок (заметьте, 1739 года)*) Петербург предстает перед читателями жестокой зимой на фоне стужи и мороза, являющихся символами эпохи безвременья с ее мертвящим страхом и нравственным оцепенением, с духовным «замерзанием» простого народа и придворных. Олицетворением такого состояния становится *Ледяной дом*, выстроенный по приказу царицы и являющийся ключевым образом-символом романа. С этим образом связаны, как правило, ночные эпизоды повествования: *один, посреди ночи* появляется он впервые на страницах романа: *выступив из мрака ночи с своими огнями, ледяной дом сиял металлическим блеском и далеко бросал от себя свет на Луговую линию, очертивши им пестрый полукруг лиц и ног; площадь казалась вымощенною верхушками голов. В этом антидоме холодно, мрачно, как под землей. Лексемы со значениями «ночь» и «холод» в данных описаниях являются репрезентантами концепта «Смерть». Ночью едва не замерзли в Ледяном доме новобрачные (шут Кульковский и его жена): *к новобрачным входит караульный офицер и, найдя их в предсмертном усыплении, старается их оживить.* Образ ночи отнюдь не случаен в символике исторического романа. Ночь для романтиков является знаком таинственного, потусто-*

ронного пространства, чуждого обыкновённому человеку. Такие синтагмы, как *тишина и игра лунного света, полосы дыма, мрак ночи*, указывают на связь Ледяного дома с неким ирреальным миром.

С одним из основных образов-символов писателей-романтиков – ночью – связана языковая антитеза *ночной Петербург* – дневной *Петербург*.

С образом ночи связана тайна, загадка. Ночью в Ледяном доме происходит последнее тайное свидание Волынского и Мариорицы; ночью под покровом тайны на берег Невы привозят труп украинца, замороженного по приказу Бирона.

С образом дневного Петербурга связано бедственное положение народа, которое символизирует бедная лекарка из Рыбачьей слободы. При описании ее избы автор использует только мрачные образы: *избушка, закуренная дымом, вокруг ни кола, ни двора, копать дыма, маленькие сени*.

Кроме Рыбачьей слободы в системе урбанонимов днем перед читателем предстает Луговская линия – одна из улиц Петербурга. Даже днем здесь было пусто, люди редко выходили из домов, потому что боялись, что на них укажет «язык» (преступник) и обвинит в сообщничестве.

Петербург Петра, в отличие от Петербурга Анны Иоанновны, в авторских описаниях предстает летом. Летом *радость предается всему народу*, кругом шумит листва, слышится смех и веселая речь людей. Добрый и любезный Петербург *живописно красуется, с негою раскидывается солнышко в мураве*. С приходом Бирона *исчезает... очертание этих воспоминаний. Сад с окованными водами, с голыми деревьями... с пустыми дорожками, по которым жалобно гуляет ветер, с остовами статуй, беспорядочно укутанных тогами, как саванами, еще живее представляет ужас* и символизирует Россию и Петербург Анны Иоанновны.

В этой, бироновской, России люди боятся даже разговаривать на улице, кругом доносчики и «подслушники», из каждого человека сделали (сильнейший негативный метафорический образ!) *движущийся гроб, где заколочены его чувства, его помыслы; расторгнуты узы приязни, родства*.

Пространственная оппозиция *Ледяной дом / Летний дворец* строится в топосе Петербурга.

Когниция Петербурга реализуется через топонимы – названия улиц, проспектов. Например, воспоминания о Петербурге эпохи Петра связаны с *большой прешпективой* – улицей между Луговой линией и Аничковой слободой. *Люблю воображать себе этот Петербург*, – отмечает И.И. Лажечников. Когда-то здесь был рынок, слышался веселый смех народа, искрился свет *в крестах божьих храмов*. Теперь же здесь можно увидеть лишь *множество пустырей, снежные бугры, безлюдство, бироновские ужасы*.

И.И. Лажечников видит идеальный образ Петербурга в прошлом, а не в настоящем, что соответствует эстетике романтизма. В романе идеал и действительность несовместимы, они выступают как антиподы. Поэтому в своих воспоминаниях автор бежит от реальной действительности Петербурга «бироновщины» в мир прошлого, противопоставляя его Петербургу эпохи Петра I.

Петербург является локусом по отношению к большому пространству России. Известно, что образ города связан с его местоположением и с природными условиями. Петербург является, по выражению Ю.М. Лотмана, «эксцентрическим городом, расположенным на краю культурного пространства» [Лотман 1999, с. 277], поэтому с Петербургом ассоциируется пространственный образ порога. Петр выстроил город на «краю пространства», на болотах, на воде, то есть сковал воду, подчинил ее себе, но вода «лишь притаилась и ждет своего часа» [Анцифиров 1923, с. 45]. Ледяной водой заморожен украинец; в снегу на берегу Невы пытаются спрятать труп люди Бирона; когда сошел снег (то есть превратился в воду), обнаруживают мертвого украинца.

Таким образом, И.И. Лажечников вводит в повествование мотив мертвеца. В народе бытовало мнение, что Петр вопреки природным условиям построил «город-мираж», в котором страдают человеческие души. В таком городе остро ощущается бесчеловечное и жестокое отношение к людям, измученным «кровавыми и слезными податями» и бесчинствами со стороны Тайной канцелярии.

Позднее Ф.М. Достоевскому под площадями, улицами и домами Петербурга будут чудиться страдания людей, погибших при строительстве города, и хаос. Хаос, распад бытия наблюдается в России в эпоху «бироновщины»: разрушаются и утрачиваются нравственные нормы и ценности.

Все это дает право утверждать, что Петербург в романе И.И. Лажечникова – это самостоятельный образ, создаваемый автором при помощи принципа двоемирия (Петербург времен Анны Иоанновны и Петербург эпохи Петра I). Это не просто город, а своеобразный символ некоего пространства, самостоятельного мира, в котором, как видно из произведения, страдает не только народ от действий Бирона и его сторонников, но и люди, приближенные ко двору (Волынский, Мариорица, сподвижники Волынского), что проявляется на языковом уровне системным использованием писателем различных вербализаторов концептов «Ночь», «Зима», «Страх», «Смерть», в том числе и при метафорическом их переосмыслении.

Заключение

«Изучая лексикон языковой личности, мы с неизбежностью вторгаемся и в ее картину мира, и в то же время устанавливаем прагматические векторы, характеризующие ее позицию в мире» [Караулов 2007, с. 137].

Оппозиция *свои / чужие*, представленная в романе «Ледяной дом», репрезентирует фрагмент индивидуально-авторской картины мира И.И. Лажечникова в части идеологической – в ней реализуется представление о справедливом и несправедливом правлении. Соответственно, эта дихотомия отражает особенности языковой личности И.И. Лажечникова и позволяет установить прагматические векторы, «характеризующие ее позицию в мире». По замечанию того же Ю.Н. Караулова, описание языковой личности через текст предполагает: а) зна-

ние системно-структурного уровня организации языка, б) реконструкцию модели мира и тезауруса языковой личности, в) выявление ценностных координат личности, ее установок, мотивов [Караулов 2007, с. 38, 48–58].

На вербально-семантическом уровне оппозиция *свое* и *чужое* в романе представлена не традиционно – в пространстве, а хронологически – во времени, причем прошлое оказывается временем *своих*, а настоящее – *чужих*. Грамматически прошлое/настоящее традиционно маркируется глаголами прошедшего и настоящего времени. В свою очередь, темпоральные единицы, представленные в романе антонимически, осложнены семантикой перцептивных и аксиологических атрибутивных компонентов: прошлое – время *своих* – представлено не просто как *лето* и *день*, но и ‘теплое’, ‘светлое’, ‘живое’, ‘веселое’, ‘радостное’. Соответственно, настоящее – *зима* и *ночь* – ‘холодное’, ‘зловещее’, ‘ужасное’, ‘мрачное’, ‘безысходное’. Это время чужих.

Концептуальная информация моделируется этими единицами и связана с основным концептом, представленным в заглавии. Концепт «Дом» отражает двойственную сущность *своих* и *чужих* – Антидом Бирона (*Ледяной дом*) и Дом Петра I (*Летний дворец*) со всеми представленными выше смыслами. Именно на этом, концептуальном, уровне происходит постижение системы ценностей писателя, проникновение в картину мира автора.

Все вышесказанное позволяет определить **прагматику писателя**, то есть выявить его цели, мотивы, интересы и интенциональности. *Свои* (власть Петра I) противопоставлены *чужим* (власть Бирона) как прогрессивное – реакционному; причем дихотомия представлена в едином пространстве, но *свои* изображены в прошлом – *чужие* в настоящем, соответственно, *чужие* сменяют *своих*, то есть реакционное сменяет прогрессивное и губит его. Он выражает однозначно отрицательное отношение к бироновской партии чужеземцев и рисует как идеал правление Петра I.

Источники фактического материала

Даль 1998 – *Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Диамант, 1998. 544 с. URL: <https://vdahl.ru>.

Даль 1978 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1978. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=88556&p=1>.

Лажечников 1994 – *Лажечников И.И.* Ледяной дом // Лажечников И.И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Можайск-Тера, 1994. Т. 4. 352 с.

Словарь русского языка 1999 – *Словарь русского языка*: в 4 т. / А.П. Евгеньева. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. (МАС). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>.

Словарь русского языка XVIII века 1984 – *Словарь русского языка XVIII века* / Ю.С. Сорокин: в 18 т. Л.: Наука, 1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc>.

Ушаков 2005 – *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1239 с. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html>.

Библиографический список

Анцифиров 1923 – *Анцифиров Н.П.* Петербург Достоевского. Петербург: Изд-во «Брокгауз-Ефрон», 1923. 105 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=104507&p=1>.

Байбурин 1983 – *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с. URL: <https://docplayer.ru/26044115-Zhilishche-v-obryadah-i-predstavleniyah-vostochnyh-slavyan.html>.

Баласникова 2003 – *Баласникова О.В.* «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 224 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19184613>.

Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Bahtin_M.M._Voprosy_literatury_i_estetiki_1975.pdf.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с. URL: <http://teatrlib.ru/Library/Bahtin/esthetic>.

Беспалова 2002 – *Беспалова О.Е.* Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 28 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kontseptosfera-poezii-n-s-gumileva-v-ee-leksicheskom-predstavlenii>.

Гальперин 1981 – *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с. URL: <http://bookfi.net/book/633607>.

Илюхина 2010 – *Илюхина Н.А.* Метафора и фразеологические единицы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2 ч. Ч. I. С. 139–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15207897>; <http://www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/37.html>.

Караулов 2007 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 263 с. URL: <https://klex.ru/mzk>.

Ключевский 1997 – *Ключевский В.О.* Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875 гг. М.: ВЛАДОС, 1997. 815 с.

Костомаров 2004 – *Костомаров Н.И.* Русская История в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: ЭКСМО, 2004. 1024 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolay_Kostomarov/russkaja-istorija-v-zhizneopisanijah-ee-glavnejshih-dejatelej.

Лихачев 1968 – *Лихачев Д.С.* Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87. URL: http://psujourn.narod.ru/lib/lih_inworld.htm.

Лотман 1996 – *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с. URL: <http://www.booksshare.net/index.php?author=lotman-yum&book=1996&category=seotika&id1=4>.

Пушкин 1937–1959 – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, 1837–1937: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/default.asp>.

Степанов 2004 – *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 991 с. URL: <http://bookfi.net/book/717122>.

Чумак-Жунь 2017 – *Чумак-Жунь И.И.* Когнитивная оппозиция *свой / чужой* как компонент поэтического

- мировидения и фактор дискурсивного противодействия // Русский язык в поликультурном мире: материалы I Международного симпозиума. Симферополь: Ариал, 2017. Т. 1. С. 439–444. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/25414>.
- Чумак-Жунь 2012 – Чумак-Жунь И.И. Эмоционально-эстетическое восприятие и информативность поэтического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. Вып. 1. С. 143–146. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17361869>.
- Элиаде 1994 – Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=93096&p=1>.
- References**
- Antsifirov 1923 – Antsifirov N.P. *Peterburg Dostoevskogo* [Dostoevsky's Petersburg]. Peterburg: Izd-vo «Brokgauz-Efron», 1923, 105 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=104507&p=1> [in Russian].
- Baiburin 1983 – Baiburin A.K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs]. L.: Nauka, 1983, 188 p. Available at: <https://docplayer.ru/26044115-Zhilishche-v-obryadah-i-predstavleniyah-vostochnykh-slavyan.html> [in Russian].
- Balyasnikova 2003 – Balyasnikova O.V. «Svoi – chuzhoi» v yazykovom soznanii nositelei russkoi i angliiskoi kultur: dis. ... kand. filol. nauk [«Friend or foe» in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and English cultures: author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 2003, 224 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19184613> [in Russian].
- Bakhtin 1975 – Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Research of different years]. M.: Khudozh. lit., 1975, 504 p. Available at: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Bakhtin_M.M._Voprosy_literatury_i_estetiki_1975.pdf [in Russian].
- Bakhtin 1979 – Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [[The] Aesthetics of Verbal Art]. M.: Iskusstvo, 1979, 424 p. Available at: <http://teatr-lib.ru/Library/Bakhtin/esthetic> [in Russian].
- Bespalova 2002 – Bespalova O.E. *Kontseptosfera poezii N.S. Gumileva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptosphere of poetry of N.S. Gumiliov: Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. SPb., 2002, 28 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/kontseptosfera-poezii-n-s-gumileva-v-ee-leksicheskompredstavlenii> [in Russian].
- Galperin 1981 – Galperin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. M.: Nauka, 1981, 140 p. Available at: <http://bookfi.net/book/633607> [in Russian].
- Ilyukhina 2010 – Ilyukhina I.A. *Metafora i frazeologicheskie edinit'sy* [Metaphor and phraseological units]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov: Gramota, 2010, no. 1 (5); in 2 parts. Part I, pp. 139–142. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15207897>; <http://www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/37.html> [in Russian].
- Karaulov 2007 – Karaulov Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. M.: Izd-vo LKI, 2007, 263 p. Available at: <https://klex.ru/mzk> [in Russian].
- Klyuchevsky 1997 – Klyuchevsky V.O. *Leksii po russkoi istorii, chitannye na Vysshikh zhenskikh kursakh v Moskve v 1872–1875 gg.* [Lectures on Russian history, read at the Higher women's courses in Moscow in 1872–1875]. M.: VLADOS, 1997, 815 p. [in Russian].
- Kostomarov 2004 – Kostomarov N.I. *Russkaya Istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh devatelei* [Russian History in biographies of its main figures]. M.: EKSMO, 2004, 1024 p. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolay_Kostomarov/russkaja-istorija-v-zhizneopisaniyah-ee-glavnejshih-dejatelej [in Russian].
- Likhachov 1968 – Likhachov D.S. *Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya* [The inner world of a work of art]. *Voprosy literatury* [Voprosy Literature], 1968, no. 8, pp. 74–87. Available at: http://psujournal.narod.ru/lib/lih_inworld.htm [in Russian].
- Lotman 1996 – Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. M.: Yazyki russkoi kultury, 1996, 464 p. Available at: <http://www.booksshare.net/index.php?author=lotman-yum&book=1996&category=seotika&id1=4> [in Russian].
- Pushkin 1937-1959 – Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii, 1837–1937: v 16 t.* [Complete works, 1837–1937]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/default.asp> [in Russian].
- Stepanov 2004 – Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoi kultury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. M.: Akademicheskii Proekt, 2004, 991 p. Available at: <http://bookfi.net/book/717122> [in Russian].
- Chumak-Zhun 2017 – Chumak-Zhun I.I. *Kognitivnaya oppozitsiya svoj/chuzhoi kak komponent poeticheskogo mirovideniya i faktor diskursivnogo protivodeistviya* [Cognitive opposition own/alien as a component of poetic worldview and a factor of discursive counteraction]. In: *Russkii yazyk v polikul'turnom mire: materialy I Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Russian language in a multicultural world: proceedings of the I International Symposium]. Simferopol: Arial, 2017, Vol. 1, pp. 439–444. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/25414> [in Russian].
- Chumak-Zhun 2012 – Chumak-Zhun I.I. *Emotsional'no-esteticheskoe vospriyatie i informativnost' poeticheskogo teksta* [Emotional-aesthetic perception and the poetic text informativity]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2012, Issue 1, pp. 143–146. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17361869> [in Russian].
- Eliade 1994 – Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. M.: Izd-vo MGU, 1994, 144 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=93096&p=1> [in Russian].